

БИБЛИОГРАФІЯ.

Новости агліійской богословской литературы.

В. Книги по истолкованію Новаго Заѣта.

1. *The Four Gospels from the Codex Corbeiensis, being the First Complete Edition of the Ms in the National Library at Paris, together with Fragments of the Catholic Epistles, of the Acts, and of the Apocalypse from the Fleury Palimpsest, for the first time completely edited, with the Aid of Printed Text of Berger „Le Palimpseste de Fleury“ By E. S. Buchanan. With three Colotype Facsimiles* (Oxford, Clarendon Press). Заглавіе даетъ точное понятіе о книгѣ. М-ръ Бьюкананъ тщательно сличилъ двѣ важныхъ рукописи. По кодексу Корбейскому у него были предшественники и, между прочимъ, Belsheim и Berger. Но до него никто не сличалъ рукописи (указываемыя) полностью. Много труда было положено имъ на транскрипцію.

Вторая рукопись Palimpsestus Floriacensis была уже издана въ редакціи Berger'a, одного изъ лучшихъ палеографовъ. Но такъ какъ палимпсестъ представляетъ громадныя трудности для транскрипціи, то Бьюкананъ потратилъ два года для провѣрки небольшой части текста (около $\frac{1}{50}$ всѣхъ 18-ти листовъ), которая была оставлена подъ сомнѣніемъ.

Рукописи представляютъ значительный интересъ и значеніе. Бьюкананъ написалъ два введенія къ Корбейскому кодексу. Одно уже было напечатано въ *The Journal of Theological studies*, другое (сокращеніе перваго) является въ описываемомъ изданіи.

Обычай печатать объясненія текста книги отдѣльно отъ

послѣдней есть, кажется, подражаніе англійскаго издателя издателямъ вѣнскаго „Corpus Scriptorum Feclesiasticorum Latinorum“.

2. *A. Dictionary of Christ and the Gospels. Ed. by James Hastings. Vol. 1.* (Edinburgh. T. & T. Clark). Первый томъ „Евангельскаго словаря“, редакторомъ котораго состоитъ проф. Хэстингсъ, включаетъ въ себѣ слова отъ „Aaron“ до „Knowledge“ Имя Хэстингса уже ассоціировано съ извѣстнымъ „Библейскимъ словаремъ“ и ручается за научный характеръ изданія. Кромѣ первоклассныхъ англійскихъ ученыхъ, каковы напр. проф. Сандей, въ первомъ томѣ участвуютъ извѣстные континентальные ученые, каковъ напр. Вейсъ изъ Марбурга. Въ словарь включены всѣ слова, встрѣчающіяся въ евангеліяхъ и другихъ новозавѣтныхъ книгахъ, имѣющія отношеніе ко Христу. Но встрѣчаются статьи и по такимъ предметамъ какъ Accomodaton, Ascetism, Atonement.

При пользованіи словаремъ нѣкоторую путаницу должна породить несогласованность выводовъ однихъ статей съ выводами другихъ. Въ статьѣ „Gospels“ говорится о четвертомъ евангеліи, что І. Богословъ описалъ въ немъ *исторію* духа, изложилъ въ порядкѣ слова и дѣянія, которыя были произнесены и совершены, о которыхъ онъ размышлялъ и каковыя излагалъ въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились по прошествіи многихъ лѣтъ въ памяти писателя. А въ Gospel of John говорится что „конечно, никто не станетъ смотрѣть на слова евангелія какъ на исторической рассказъ“.—Нѣтъ ничего непослѣдовательнаго, конечно, въ томъ, что авторъ статьи о книгѣ Дѣяній Ап. думаетъ, что она не написана евангелистомъ Лукою, а авторъ статьи о четвертомъ евангеліи защищаетъ мнѣніе, что оно написано Іоанномъ, сыномъ Зеведеевымъ. Но позволительно догадываться, что если бы эти авторы перемѣнились темами, то выводы по отношенію къ кн. Дѣяній и къ евангелію отъ Іоанна были бы иными.

Если учесть нѣкоторую разноголосицу во мнѣніяхъ сотрудниковъ словаря, *A Dictionary of Christ and the Gospels* есть цѣнное научное приобрѣтеніе и прекрасное пособие,—въ особенности для проповѣдниковъ, для которыхъ оно и предназначается главнымъ образомъ.

3. *The Human Element in the Gospels: a Commentary on the*

Synoptic Narrative. By Geo. Salmon, D. D. Ed. by Newport I. D. White D. D. (John Murray). Книга эта—посмертный трудъ. Авторъ уже извѣстенъ по „Введенію въ изученіе новозавѣтныхъ книгъ“—*Introduction to the study of the Books of the New Testament*. Въ этомъ „Введеніи“ трактуется и синоптическая проблема.

Предисловіе къ настоящему труду начинается заявленіемъ, что вопросъ о взаимоотношеніи синоптическихъ евангелій занималъ автора въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и что онъ по крайней мѣрѣ ознакомился съ различными взглядами на предметъ и составилъ свое убѣжденіе относительно доказательствъ, приводимыхъ въ подтвержденіе этихъ взглядовъ. Далѣе объясняется, почему и какъ авторъ сталъ изучать вопросъ. Ему захотѣлось приложить методъ „высокой“ (т. е. историко-литературной) критики къ синоптической проблемѣ. Другіе новозавѣтные критики уже пытались дѣлать это, но „имъ не доставало безпристрастія“. „Свободный отъ предубѣжденій“ авторъ приступилъ къ безпристрастному изслѣдованію состава новозавѣтныхъ книгъ. Онъ началъ изучать тѣ мѣста синоптиковъ, въ которыхъ находятся двѣ или три формы одной и той же рѣчи или одного и того же разсказа, — съ тѣмъ, чтобы найти ихъ первоисточникъ. Но каковъ же результатъ его работы? Читатель наталкивается на интересныя и содержательныя замѣчанія, но не находитъ принципиальнаго рѣшенія вопроса. Условныя заключенія проф. Сальмона малоцѣнны, потому что его методъ неудовлетворителенъ. Онъ свысока смотритъ на труды Hawkins'a и Wrigut'a и цѣнитъ слишкомъ низко кропотливое изслѣдованіе языка евангелій. Его трудъ запоздалъ, потому что трудъ Вельгаузена и Гарнака, изданный недавно, съ большею основательностью обслѣдуетъ затронутые имъ вопросы.

Но книга Сальмона интересна какъ исповѣдь ученаго экзегета. Онъ обращается съ евангеліями съ большою свободой и не задумываясь указываетъ въ нихъ ошибки и противорѣчія. Нѣкоторыя изъ его признаній наивны, какъ напр. „въ моемъ „Введеніи“, надѣясь на сообщеніе изъ вторыхъ рукъ, я передалъ содержаніе книги, которую никогда не видалъ“.—Настоящій трудъ (зачѣмъ онъ изданъ?) проникнуть также духомъ нетерпимости. Объ Эдвинѣ Абботѣ, по нынѣ здравствующемъ, авторъ пишетъ: „предположеніе Шми-

дея, повидимому, идетъ отъ его коллеги проф. Эдвинъ Аббота, ученаго удивительно изобрѣтательнаго и еще болѣе удивительнаго по отсутствію въ немъ здраваго смысла. Въ послѣднее время онъ значительно подвинулся въ ознакомленіи съ еврейскимъ языкомъ и какъ мальчишка рѣжетъ имъ какъ новымъ перочиннымъ ножичкомъ все что ни падется подъ руку“.

4. *The Fourth Gospel: its Purpose and Theology.* By Ernest F. Scott (Edinburgh, T. & T. Clark). Названіе книги ясно указываетъ ея цѣль. Авторъ ея относитъ четвертое евангеліе къ первому или второму десятилѣтію II-го вѣка, но онъ не занимается вопросомъ о времени его появленія или о писателѣ его. Въ ев. отъ Іоанна онъ видитъ усвоеніе идеи церкви и попытку расширить и одухотворить эту идею, а поэтому довольствуется только тѣмъ выводомъ, что ев. отъ Іоанна было написано не рано. По мнѣнію м-ра Скотта евангеліе содержитъ авторитетный отвѣтъ отъ имени церкви на притязанія враждебныхъ сектъ.—Понятіе о Логосѣ, можетъ быть, доминируетъ надъ всѣмъ четвертымъ евангеліемъ, но гдѣ доказательство того, что писатель его былъ пропитанъ греческой культурой? Что касается „Логоса“, то м-ръ Скоттъ не думаетъ, что „Логосъ“ есть только простой терминъ и ничего болѣе,—и держится того мнѣнія, что Логосъ есть главное и руководящее слово всего евангелія. Онъ допускаетъ нѣкоторое различіе между Логосомъ ап. Іоанна Божьего слова и логосомъ Филона Александрійскаго, и для того, чтобы обосновать это утверженіе, углубляется въ изслѣдованіе христологии четвертаго евангелія. За этимъ изслѣдованіемъ иногда бываетъ довольно трудно слѣдовать. Авторъ утверждаетъ, что вліяніемъ идеи Логоса объясняется различіе между евангеліемъ Іоанна и синоптиками и что представленіе объ Иисусѣ Сынѣ Божіемъ очевидно не допускаетъ уничтоженія его до человѣческаго уровня,—уничтоженія, каковое сказывается въ крещеніи, въ искушеніи и въ „предсмертной агоніи“. Однако естественно спросить: если Иисусъ Христосъ не „достигъ до человѣческаго уровня“, какъ же въ ев. отъ Іоанна сказано, напр., что Онъ „утруждается на пути, сѣдѣяше (Іо. 4, 6 ст.)? М-ръ Скоттъ думаетъ, что нѣкоторыя подробности, записанныя синоптиками, отвергнуты въ четвертомъ евангеліи потому, что они понизили бы идею Хри-

ста, который былъ отождествленъ съ Логосомъ; однако онъ принужденъ сказать, что четвертое евангеліе есть отвѣтъ гностикамъ, отрицавшимъ, что І. Христосъ пришелъ во плоти. Богочеловѣчество І. Христа несомнѣнно подчеркивается въ четвертомъ евангеліи, и пропускъ нѣкоторыхъ событій въ жизни І. Христа вовсе нельзя объяснить теоріей, что описаніе этихъ событій понизило бы уровень І. Христа, человѣчество коего было дѣйствительно реальнымъ. Такая теорія не можетъ объяснить упоминанія о прободеніи копьемъ и въ то же время пропускъ о страданіяхъ І. Христа на крестѣ.

Подобно другимъ м-ръ Scott видитъ аллегорію во многихъ вещахъ, о которыхъ говорится въ ев. Іоанна. Но нѣкоторыя изъ его толкованій нужно отвергнуть какъ фантастическія. Напр. Пфлейдереръ, отождествившій Марію Матерь І. Христа съ христіанскимъ обществомъ, отвергъ бы теорію Скотта, по которой мать І. Христа означаетъ древнюю вѣру. Довольно странныя толкованія можно давать отъ имени аллегоріи. М-ръ Скоттъ говоритъ, что вода и кровь, истекшія изъ ребра Спасителя, суть типы двойнаго дѣла Его и двухъ таинствъ, черезъ которыя вѣрующій усваиваетъ плоды этого дѣла. Это не ново, но гдѣ доказательство истинности такого толкованія? Текстъ евангелія не даетъ на него никакого намека.

Въ общемъ попытка Скотта объяснить цѣль четвертаго евангелія и его богословіе заслуживаетъ вниманія. Можно отвергнуть его теорію о томъ, что евангеліе отъ Іоанна есть отвѣтъ Церкви ея критикамъ,—отвергнуть въ виду того, что даже въ началѣ II-го вѣка христіанская община не была достаточно организована для того, чтобы отвѣтъ этотъ исходилъ отъ нея какъ отъ цѣлаго. Но можно и согласиться съ тѣмъ, что евангеліе есть отчасти отвѣтъ нѣкоторымъ критикамъ. Нельзя объяснить всѣ характерныя черты евангелія отъ Іоанна идеей Логоса, но можно, кажется, допустить, что теорія, по которой концепція Логоса доминируетъ въ евангеліи, защищается авторомъ съ большимъ искусствомъ и убѣдительностью.

5. *The Epistle of St. Iude and the Second Epistle of St. Peter: Greek Text. Edited by Ioseph B. Mayor* (Macmillan and Co). Два апостольскихъ посланія, изданныя и комментированныя Мейеромъ, не упоминаются поименно ранѣ конца II-го или начала III-го вѣка. Писатель посланія Іуды называетъ себя

братомъ Іакова, цитируетъ апокрифическую книгу Еноха, какъ будто она была написана Енохомъ, седьмымъ отъ Адама, говоритъ необычно о Михаилѣ Архангелѣ и обнаруживаетъ другія особенности. Писатель II-го посланія ап. Петра—Симонъ Петръ—говоритъ что былъ со Спасителемъ на горѣ Преображенія и написалъ первое посланіе, т. е. первое каноническое посланіе ап. Петра. Онъ выражаетъ ученіе, содержащееся стихами, что элементы подлежатъ разложенію въ огнѣ, что земля сгоритъ и что возникнетъ новое небо и новая земля.

Между двумя посланіями существуетъ поразительное сходство. Въ обоихъ указывается на падшихъ ангеловъ, на судьбу Содома и Гоморры и на поведеніе Валаама. Въ продолженіе III-го столѣтія и даже въ началѣ IV-го существовала большая разница во мнѣніяхъ относительно этихъ посланій. Нѣкоторымъ они казались подлинными, для другихъ же—поддѣльными или сомнительными. Наконецъ, къ концу IV-го вѣка они были допущены въ канонъ. Каноничность этихъ посланій является трудно усвояемою вещью для искреннихъ и умѣренныхъ англійскихъ экзегетовъ.

Два посланія—ап. Петра и ап. Іуды задаютъ экзегетамъ очень трудные вопросы. Когда они составлены? Каково ихъ взаимоотношеніе? Заимствовалъ ли писатель II-го посл. ап. Петра изъ посланія ап. Іуды или *vice versa*? Или они оба заимствовали изъ одного общаго источника? Нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы разрѣшить эти вопросы. Возможны только догадки. Вслѣдствіе этого ученые критики такъ заняты въ своихъ приговорахъ относительно этихъ посланій.

М-ръ Мейеръ держится традиціоннаго взгляда—что посланіе ап. Іуды подлинно и что писатель его былъ братъ ап. Іакова, посланіе коего включено въ канонъ. Но м-ръ Мейеръ не приводитъ сильныхъ доказательствъ въ пользу своихъ взглядовъ и иногда онъ даже дѣлаетъ замѣчанія, которыя противорѣчатъ этимъ взглядамъ. Такъ, сравнивая посл. Іуды съ посланіемъ Іакова онъ говоритъ: „Іуда, очевидно, принадлежитъ къ позднѣйшему періоду развитія христіанства“, и, оспаривая доказательство, приводимое въ пользу раннѣйшей даты, замѣчаетъ: „затрудненіе уменьшается, если дату посланія передвинуть ближе къ 80-му, а не къ 70-му г. по Р. Х.“.

Безъ всякаго затрудненія м-ръ Мейеръ отвергаетъ православный традиционный взглядъ на посл. ап. Петра. Онъ говоритъ „II-ое посл. ап. Петра не подлинно. Оно написано къѣмъ то, кто воспользовался уважаемымъ именемъ ап. Петра (подобное дѣлали не разъ во II-мъ вѣкѣ) съ цѣлью вѣд-рять въ сознаніе христіанъ важныя по его мнѣнію истины“. Въ другомъ мѣстѣ м-ръ Мейеръ пишетъ: „мы видѣли основанія, по которымъ нельзя думать, что посланіе написано писателемъ I-го соб. посл. ап. Петра, видѣли, что II-е посл. ап. Петра написано послѣ посланія ап. Іуды—въ эпоху, когда первое поколѣніе вѣрующихъ уже сошло въ могилу, когда надежда на скорое второе пришествіе стала уже вымирать, когда посланія ап. Павла были уже объединены и разсматривались какъ часть Св. Писанія.

Очевидно, Мейеру не нравится сказаніе о падшихъ ангелахъ и объ „апокрифическихъ матеріяхъ“, находящихся въ обоихъ посланіяхъ. Многое изъ того, на что была воля или попущеніе Божіе во дни Авраама или Моисея или Давида, недопустимо для получившихъ полное озареніе христіанствомъ. Во что можно было вѣрвать людямъ *тогда* (напр. относительно падшихъ ангеловъ по мнѣнію Мейера), въ то невозможно вѣрить теперь. Слова, влагаемая въ уста Божіи въ Быт. III, 22 и въ XI, 6 и 7 несомнѣстимы съ мыслию о всемогуществѣ, премудрости и любви Божіей и приличествуютъ только низшей ступени человѣческаго развитія. То же, по мнѣнію Мейера, нужно сказать и о паденіи ангеловъ.

М-ръ Мейеръ, очевидно, много потрудился. Онъ составилъ грамматику обоихъ посланій, и его примѣчанія содержатъ полныя учебныя объясненія важнѣйшихъ греческихъ словъ, встрѣчающихся въ нихъ,—объясненія, коимъ честь и мѣсто въ любомъ лексиконѣ. Н. З. М-ръ Мейеръ много читалъ и отмѣчаетъ все, что можетъ имѣть какое-либо отношеніе къ предмету его занятій. Онъ собралъ также громадную массу матеріала, относящагося къ тексту, и по такимъ вопросамъ какъ паденіе ангеловъ, апокрифическія книги, которыми пользовались писатели посланія, идеи ложныхъ учителей, описанныя въ посланіяхъ. Каждая страница книги Мейера обнаруживаетъ его зрѣлую ученость, горячую любовь къ истинѣ и умѣренное направленіе.

Автору, который такъ широко понимаетъ свою задачу какъ понялъ ее м-ръ Мейеръ, конечно, почти невозможно избѣжать случайныхъ промаховъ. Ихъ немного, но два или три изъ нихъ особенно замѣтны. „Фабрикація псевдепиграфовъ была довольно распространена среди грековъ (взять напр., письма Платона)“, пишетъ Мейеръ. Но примѣръ выбранъ имъ неосмотрительно: платоновскія письма не числятся среди псевдепиграфовъ: они внесены въ списокъ платоновскихъ сочиненій очень рано и считались неизмѣнно подлинными почти до нашего времени, и послѣ того какъ возникли сомнѣнія въ ихъ подлинности, нѣкоторые изъ большихъ ученыхъ (какъ напр. Benteley, Grote) пришли къ убѣжденію въ ихъ подлинности. Статья въ двухъ недавнихъ книжкахъ Rheinisches Museum старается доказать, что мнѣніе этихъ ученыхъ правильно и д-ръ Rudolf Adam (берлинскій) въ изданной имъ программѣ на 1906 г. доказываетъ подлинность самого длиннаго изъ всѣхъ твореній Платона.

М-ръ Мейеръ говоритъ о факсимиле Ватиканскаго и Синайскаго кодексовъ какъ будто бы эти факсимиле одинаково цѣнны. Но вѣдь факсимиле Синайскаго кодекса вовсе не настоящее факсимиле, а произведеніе искусства Тимендорфа. Воспроизведеніе его было сдѣлано со шрифта унциальныхъ буквъ, расположенныхъ въ порядкѣ, напоминающемъ нѣсколько строки рукописи. Фотографическое факсимиле синайскаго кодекса есть пока только одно желаніе текстуальныхъ критиковъ Библии.

6. *Pauline and other Studies in Early Christian History.* By W. M. Ramsay (Hodder and Stoughton) Два сорта статей сэра Рэмзея, содержащихся въ этой книгѣ, даютъ право разсматривать автора ея съ двухъ сторонъ. Въ однихъ статьяхъ (какъ напр. *The Worship of the Virgin Mary at Ephesus*, и *The Permanence of Religion at Holy Places in Western Asia*) онъ выступаетъ какъ путешественникъ—археологъ; въ другихъ (какъ напр. „*Shall we hear Evidence or Not?*“ или *The Statesmanship of Paul*“) мы видимъ одного изъ той линіи критическихъ писателей, которая тянется ad infinitum.

Первая статья „*Shall we bear Evidence or Not?*“ трактуетъ объ обращеніи ап. Павла и имѣетъ цѣлью установить какъ историческій фактъ откровеніе у воротъ Дамаска и сопровождавшее его обращеніе ап. Павла, занесенныя въ кн. Дѣя-

ній. „Мы приходимъ къ заключенію, вполне справедливо говорить сэръ Рэмзей, что видѣніе ап. Павла есть одна изъ такихъ вещей, о коей свидѣтельство нужно внимательно изслѣдовать безъ всякаго предубѣжденія въ умѣ“. Однако онъ противорѣчить своему собственному рѣшенію, утверждая, что „божественное начало, если оно дѣйствительно существуетъ въ нашемъ мірѣ, должно войти въ сношеніе съ человѣковъ и такъ или иначе вліять на человѣчество“. Прежде чѣмъ изслѣдовать свидѣтельства сэръ Рэмзей уже достигъ извѣстныхъ умозаключеній, какъ напр.: „Савль съ дѣтства былъ исполненъ желанія и надежды слышать голосъ Божій“ и „откровеніе божественнаго человѣческому есть необходимая часть естественнаго порядка вещей“. Сэръ Рэмзей, однако, не указываетъ, насколько откровеніе по дорогѣ въ Дамаскъ принадлежитъ природѣ.

Статья „The Statesmanship of Paul“ изображаетъ намъ апостола какъ человѣка имперіалистической политики. Онъ, выросши гражданиномъ Рима и Тарса, не могъ не видѣть удобнаго положенія для вліянія іудеевъ и іудейства въ имперіи. Мы не знаемъ всего, что думалъ и могъ думать ап. Павелъ. Но мы должны объяснить тотъ фактъ, что ап. Павелъ пошелъ въ Іерусалимъ и жилъ тамъ жизнью фарисея.—Понимали-ли іерусалимскіе фарисеи значеніе іудаизма въ Имперіи? Въ Іерусалимѣ Савль преслѣдовалъ христіанъ, потому что они унижали его идеаль, и должны были быть уничтожены, если іудаизму суждено было бы достигъ своей славы въ мірѣ. Но какъ они унижали его идеаль, который по утверженію сэра Рэмзея касался возможности духовнаго вліянія іудаизма въ имперіи? Развѣ вліяніе христіанъ не было духовнымъ и одухотворяющимъ? Послѣ своего обращенія—хотя можетъ быть еще и не во время своего перваго миссіонерскаго путешествія— ап. Павелъ поставилъ себѣ цѣль, которая могла имѣть значеніе для римскаго міра. Эта цѣль, кажется, не была простою схемой проповѣдничества евангелія, но заранѣе обдуманномъ планомъ съ подборомъ разныхъ важныхъ мѣстъ, какъ напр. Ефеса, въ качествѣ центровъ для насажденія церквей. Его цѣлю было покорить имперію, что можно видѣть изъ организациі основанныхъ имъ и разсѣянныхъ по лицу земли христіанскихъ общинъ и изъ слиянія ихъ въ одну церковь.

Проф. Рэмзей задається вопросомъ, какой приговоръ вынесла исторія идеѣ ап. Павла. Вопросъ важный. Но вопросъ о томъ, въ чемъ состоялъ планъ для покоренія христіанству римской имперіи,—еще важнѣе. Отъ кого идетъ рѣшеніе этого послѣдняго вопроса: отъ ап. Павла или отъ самаго Иисуса Христа.

Какъ показываютъ дошедшіе до насъ историческіе документы и преданіе церковное, Господь нашъ Іисусъ Христосъ основалъ церковь, но не организовывалъ церкви. Однако универсальность основныхъ идей христіанства обусловила собою покореніе вселенной. Ап. Павелъ насаждалъ церкви, и надо допустить, что онъ избралъ наиболѣе подходящіе центры въ Имперіи для распространенія христіанства. Но еще до ап. Павла Господь Іисусъ Христосъ видѣлъ уже своимъ духовнымъ взоромъ время, когда міръ будетъ покоренъ Его ученію.

Другой важный вопросъ—объ ожиданіи первохристіанами скорого втораго пришествія. Ждалъ ли его и ап. Павелъ? И если да, то какъ это ожиданіе его вліяло на его жизненную задачу—покорить христіанству міръ? Посланіе къ Солунянамъ содержитъ очень опредѣленное ученіе о *парусіа*, и эту идею необходимо связать съ идеей покоренія имперіи церковной организаціей.

7. *St. Pauls Epistle to the Ephesians. The Greek Text with Notes and Addenda by the late B. F. Westcott* (Macmillan and Co). Весткоттъ оставилъ послѣ себя въ рукописи комментарий на посл. къ Ефесянамъ. Сынъ покойнаго епископа просилъ м-ра Скульгофа приготовить эту рукопись для печати. Но оказалось, что примѣчанія на вторую главу посланія пропали. Это обстоятельство задержало работу на полтора года, такъ что комментарий вышелъ (въ 1907 г.) спустя четыре года съ тѣхъ поръ, какъ Скульгофъ взялся за дѣло изданія рукописи покойнаго Весткотта. Редакторъ не испыталъ затрудненія относительно комментарія, такъ какъ послѣдній оказался почти законченнымъ. Но Весткоттъ не написалъ никакого введенія къ посланію. На отдѣльныхъ клочкахъ онъ оставилъ разныя замѣтки по вопросамъ, связаннымъ съ посланіемъ къ Ефесянамъ, но не оставилъ ничего непрерывнаго или законченнаго. М-ръ Скульгофъ рѣшилъ напечатать эти клочки и заполнить мѣста между ними изъ другихъ работъ великаго

Весткотта или Ляйтфута, Хорта и Дейвиса. Результатъ оказывается неудовлетворителенъ. Лучше бы было просто напечатать только комментарий безъ „номинальнаго введенія“, какъ выражается Скульгофъ.

Комментарій (кажется нечего говорить объ этомъ) превосходенъ, хотя Весткоттъ—будь онъ живъ, не выпустилъ бы его въ свѣтъ въ такомъ видѣ, и постарался бы дать обстоятельную разработку вопросовъ въ той постановкѣ, которую они приняли уже по смерти его,—вопросовъ о писателѣ посланія, его единствѣ, цѣли и отношеніи къ посланію къ Колоссянамъ.

8. *The Apocalypse of st. John. The Greek Text with Introduction Notes and Indices by Henry Barklay Swete, D. D.* (Macmillan and Co). Апокалипсисъ—самая трудная книга Новаго Завѣта, и проблемы, предъявляемая ею, еще не рѣшены ни однимъ экзегетомъ. Проф. Свигъ сознается въ этомъ. По его словамъ всякая попытка разрѣшить проблемы этой самой загадочной канонической книги можетъ считаться только условной. Свои выводы онъ высказываетъ съ осмотрительностью и вовсе не считаетъ ихъ окончательными.

Книга дѣлится на двѣ части: введеніе и комментарий.

Вотъ главнѣйшіе изъ результатовъ работы проф. Свита.

О времени написанія вопреки великимъ кеймбриджскимъ богословамъ—Ляйтфуту, Весткотту и Хорту, которые думали, что апокалипсисъ написанъ въ царствованіе Нерона или непосредственно послѣ смерти послѣдняго, Свигъ утверждаетъ, что,—согласно почти единодушному древнѣйшему христіанскому преданію, апокалипсисъ по времени появленія его слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ Домиціана. Высказывая этотъ взглядъ д-ръ Свигъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку:

„Единство книги признается, и она считается работой писателя четвертаго евангелія. Но послѣдняя гипотеза еще подвержена сомнѣнію и, вѣроятно, всегда останется таковой. А что касается первой (единства), то на ней нельзя настаивать до такой степени, чтобы исключать всякую возможность предположенія, что существующая книга Апокалипсисъ есть второе изданіе раннѣйшей книги и что она включаетъ въ себѣ раннѣйшіе источники. Эти двѣ гипотезы достаточно объясняютъ тѣ немногія указанія и на нероновскую и вес-

пасіановскую дату, которыя были находимы въ апокалиписѣ“¹⁾).

Относительно писателя апокалиписиса д-ръ Свить находится въ большой нерѣшительности. Онъ колеблется между двумя теоріями, — одна приписываетъ книгу ап. Іоанну Богослову, другая — Іоанну Старшему, старцу, пресвитеру. Взглядъ Свита формулируется такимъ образомъ. Склоняясь къ традиціонному взгляду (по которому писателемъ Апокалиписиса былъ ап. Іоаннъ) онъ, однако, оставляетъ вопросъ о писателѣ открытымъ. Время можетъ указать новые факты, которые наклонять вѣсы въ другую сторону, — въ пользу Іоанна Пресвитера. Эта нерѣшительность должна, естественно, нѣсколько разочаровать всякаго православнаго читателя, но, можетъ быть, лучше просто признаться въ неудовлетворительности научныхъ изысканій и нерѣшительности научныхъ приговоровъ, чѣмъ догматизировать какъ г. Морозовъ.

Считаемъ долгомъ добавить, что нерѣшительность мнѣнія Свита о писателѣ Апокалиписиса кажется намъ лично излишней. Свидѣтельства церковной древности и раннѣйшей исторіи христіанства не оставляютъ сомнѣній въ принадлежности Апокалиписиса ап. Іоанну Богослову. Еретики отвергли книгу, но нѣтъ доказательствъ на то, чтобы первобытные христіане приписывали бы эту книгу кому-либо другому кромѣ ап. Іоанна Богослова. Этотъ выводъ (не говоря уже о прямомъ ученіи церкви) подтверждается всеобщимъ убѣжденіемъ древней церкви въ томъ, что на землѣ наступить особый тысячелѣтній періодъ послѣ перваго воскресенія, когда святые будутъ блаженствовать.

Ожиданіе этого періода выражается писателемъ посланія Варнавы, Папіемъ, Іустиномъ Мученикомъ, Иринеемъ и многими другими. Ученіе же объ этомъ періодѣ выразительно связывается многими изъ нихъ съ именемъ и съ книгой апостола Іоанна Богослова. Свить приводитъ мѣсто изъ Іустина Муч., которое, кажется, указываетъ, что нѣкоторые православные

¹⁾ По нашему мнѣнію старая школа кеймбриджскихъ богослововъ на ходилась отчасти подъ вліяніемъ необходимости (при признаніи, что писатель Апокалиписиса былъ тотъ же, что и четвертаго евангелія) — дать время для того, чтобы еврейско-греческій стиль Апокалиписиса созрѣлъ бы до элегантнаго греческаго стиля Ев. отъ Іоанна Но это воображаемое затрудненіе.

христиане не раздѣляли этой вѣры, но слова этой выдержки плохо вяжутся со словами, которыя предшествуютъ ей и слѣдуютъ далѣе, въ виду чего многіе ученые рѣшаются передѣлывать эти слова, такъ чтобы привести ихъ въ согласіе съ контекстомъ и аргументаціей Іустина. Тотъ фактъ, что первенствующая церковь жила ожиданіемъ скораго наступленія тысячелѣтняго блаженства праведныхъ, лучше всего объясняется, если его основу видѣть въ ученіи ап. Іоанна Богослова. Нѣкоторые изъ людей, убѣжденныхъ въ принадлежности Апокалипсиса Іоанну Богослову, могли быть его современниками, несомнѣнно знали его учениковъ и едва-ли могли ошибиться, приписывая ему Апокалипсисъ. Другаго мнѣнія не было, поскольку даютъ право думать дошедшія до насъ писанія первыхъ двухъ и половины III-го вѣка. Въ половинѣ же III-го вѣка надежды дожить до миллениума стали угасать, и вотъ явилась необходимость найти какого-либо другаго писателя Апокалипсиса.

Что касается *единства Апокалипсиса*, то пр. Свить отстаиваетъ это единство, хотя и говоритъ, какъ мы видѣли, о второмъ изданіи апокалипсиса. Большая часть современныхъ ученыхъ (считаемъ долгомъ замѣтить) склоняется къ противоположному мнѣнію. Свить суммируетъ ихъ доказательства и добавляетъ отъ себя, что перечень кажущихся противорѣчій въ Апокалипсисѣ, если этотъ перечень брать огуломъ,—неотразимъ повидимому, но если каждое противорѣчіе брать и подвергать обслѣдованію въ отдѣльности, то вѣсь возраженій противъ единства книги значительно уменьшается.

Среди ученыхъ, упоминаемыхъ проф. Свитомъ, находится Вишеръ (Visher), ученикъ Гарнака, который старался доказать, что Апокалипсисъ есть въ сущности чисто іудейское произведеніе, но содержитъ добавки и интерполяціи сдѣланные христианскимъ писателемъ. Въ своей работѣ Вишеръ напечаталъ отдѣльно то, что онъ считаетъ христианскими добавленіями. Первые три главы по его мнѣнію несомнѣнно христианскія, но послѣ того, какъ начинаются видѣнія, христианскій элементъ—думаетъ онъ—становится незначительнымъ и почти во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ упоминается агнецъ, рассказъ кажется Вишеру глаже, если выкинуть этотъ христианскій элементъ. Главный аргументъ Вишера

состоить въ томъ, что одна часть книги проникнута духомъ іудейства, національною узостью и ожиданіемъ земнаго возмездія. Другая же часть выражаетъ чисто духовныя надежды и идеи совершенно противоположныя іудейскимъ. Въ іудейской части выступаетъ страсть мщенія, упоеніе созерцаніемъ чаши гнѣва, озеръ огня и сѣры и другихъ бѣдъ, постигающихъ злыхъ. Любопытно, Свить безъ малѣйшаго затрудненія приписываетъ всѣ эти мѣста ап. Іоанну. Онъ описываетъ апостола какъ онъ изображается въ евангеліяхъ и затѣмъ говоритъ: „апокалипсисъ обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ Іоанномъ синоптическихъ евангелій. Онъ—сынъ громовъ; онъ готовъ призвать огонь съ неба; его отвращеніе къ врагамъ Христа и Его церкви не допускаетъ компромисса. Враждебные іудеи Смирны и Филадельфіи для него суть сатанинскія синагоги. Неронъ, Домиціанъ и сама имперія, насколько она слѣдуетъ ихъ политики—звѣрь. Римъ—Вавилонъ, мать блудницъ и всѣхъ мерзостей, оскверняющихъ землю. Тонъ апокалипсиса, когда онъ бичуетъ гонителя, идолопоклонника, нечистаго, почти неприличенъ; праведный гнѣвъ пророка достигаетъ высшаго напряженія.

Вторая часть книги Свита состоитъ изъ комментарія, подробно отмѣчающаго мнѣнія, которыхъ держались въ разныя времена разныя лица касательно смысла словъ, положеній и символическихъ картинъ апокалипсиса. Свить добавляетъ къ ихъ перечню и свои взгляды, носящіе характеръ нерѣшительности и неувѣренности, о чемъ мы уже сказали. Масса догадокъ и бѣднота выводовъ—вотъ впечатлѣніе отъ чтенія комментарія Свита. Все ему кажется въ смутной и условной формѣ.—Число звѣря осталось для него неразрѣшимымъ. Равнымъ образомъ этимологія халколівана (Апок. 1. 15) неопредѣлима, хотя вообще говоря это металлъ.

Свить потратилъ много труда на свою работу (говорятъ около двадцати лѣтъ), собралъ и распредѣлил огромный матеріалъ, съ которымъ всякій работающій надъ Апокалипсисомъ долженъ считаться,—не только всякій специалистъ, но и просто образованный человѣкъ, желающій составить себѣ понятіе о тѣхъ усиліяхъ, которыя дѣлала человѣческая мысль на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ для того, чтобы разгадать таинственную книгу. Читающіе по гречески и по

англійски должны обзавестись изданіемъ Свита съ тѣмъ, чтобы имѣть въ сжатой формѣ все свѣдѣнія нужныя для изученія Апокалипсиса. Въ работѣ Свита вездѣ видна строгая научность, широкая начитанность, рѣшимость и настойчивость добираться до истины во что бы то ни стало и правдивое и безпристрастное изложеніе взглядовъ, съ которыми онъ не согласенъ. Хотя, по мнѣнію Свита, Апокалипсисъ долженъ быть каноническою книгою по праву, и, вѣроятно, написанъ ап. Іоанномъ Богословомъ, однако это не мѣшаетъ профессору привѣтствовать изысканія тѣхъ, которые считаютъ Апокалипсисъ только историческимъ документомъ, кидающимъ эпизодическій свѣтъ на исторію пророчества и апокалипсической литературы.

Свящ. Н. Преображенскій.
